

*Всем, кто когда-либо чувствовал себя
чужим в этом мире, посвящается.*

*И Лорен Патрисии Грейвс,
ты — свет моей жизни*

Анника

ЧИКАГО
АВГУСТ 2001 ГОДА

Я сталкиваюсь с ним в супермаркете «У Доминика». Как раз открывая холодильник в поисках клубники, которую всегда добавляю в утренний смузи. Я слышу мужской голос справа от меня:

— Анника?

Звучит он неуверенно.

Краем глаза замечаю лицо. Прошло десять лет с тех пор, как мы виделись в последний раз, и, хотя я с трудом запоминаю лица людей, мне нет нужды спрашивать, кто это. Я знаю. Это он. Мое тело вибрирует, как от низкого рокота далекого поезда, и я рада, что из морозильника веет холодом, ведь воздух вокруг мгновенно раскалился. Я хочу убежать. Забыть о клубнике и найти ближайший выход на улицу. Но слова Тины эхом отдаются у меня в голове, и я повторяю их как мантру: «Не убегай, возьми на себя ответственность, будь собой».

8 · Трейси Гарвис-Грейвс

Я делаю судорожный вдох и поворачиваюсь к нему.

— Привет, Джонатан.

— Это ты, — говорит он.

Я улыбаюсь.

— Да.

Мои волосы, которые раньше были до талии и ежеминутно нуждались в расческе, теперь стали блестящими и прямыми и заканчивались на несколько дюймов ниже плеч. Приталенная рубашка и облегающие брюки сильно отличаются от моего университетского гардероба из юбок и платьев на два размера больше положенного. Наверное, это немного сбило его с толку.

К своим тридцати двум Джонатан мало изменился: темные волосы, голубые глаза, широкие плечи пловца. Он не улыбается, но и не хмурит брови. Хотя я значительно поднаторела в умении читать другие невербальные сигналы, я не могу сказать, скрывает ли Джонатан какую-либо обиду или еще какие оскорбленные чувства. Он имеет полное право испытывать и то и другое.

Мы делаем шаг вперед и обнимаемся, потому что даже я знаю, что, учитывая, сколько прошло времени и сколько мы пережили, нам положено обняться. Когда Джонатан обнимает меня, я чувствую себя в безопасности. Это ощущение совсем не изменилось. Запах хлорки, который обычно оседал на его коже после бассейна, сменился чем-то древесным и, к счастью, не слишком тяжелым или приторным.

Я понятия не имею, что он делает в Чикаго. Престижная нью-йоркская финансовая фирма выдернула Джонатана из Иллинойса, не успели еще просохнуть чернила на его дипломе. Переезд планировался для обоих, но осуществлял задуманное Джонатан уже в одиночку.

Когда мы разжимаем руки, я с трудом подбираю слова.

— Я думала, ты живешь в... Ты здесь по делу?

— Перевелся в чикагский офис пять лет назад, — отвечает он.

Меня поражает, что все это время, ходя по улицам города, который теперь называю домом, я даже не подозревала, что могу столкнуться с Джонатаном. Сколько раз мы были в радиусе одной мили друг от друга и не знали этого? Сколько раз мы оказывались в одной толпе на оживленном тротуаре или обедали в одном и том же ресторане?

— Нужно было присматривать за мамой, — продолжает он.

Я как-то встречалась с его матерью, и она мне нравилась почти так же сильно, как и моя собственная. Нетрудно было понять, откуда у Джонатана его доброта.

— Пожалуйста, передай ей привет от меня.

— Она умерла пару лет назад. Деменция. Врачи сказали, что она, вероятно, страдала ею много лет.

— Она назвала меня Кэтрин и не смогла найти ключи, — вспоминаю я, потому что у меня отличная память и теперь все встает на свои места.

Джонатан подтверждает мои слова коротким кивком.

— Работаешь в центре? — спрашивает он.

Я закрываю дверцу холодильника, смущенная тем, что все это время держала ее открытой.

— Да, в библиотеке Гарольда Вашингтона.

Мой ответ вызывает улыбку на его лице.

— Тебе подходит.

Разговор обрывается, повисает неловкая пауза. Раньше Джонатан всегда брал на себя большую часть беседы, но теперь нет. Эта тишина оглушает.

— Здорово было тебя повидать! — наконец выпаливаю я. Мой голос звучит выше, чем обычно. Меня снова бросает в жар, и я жалею, что не оставила дверь холодильника открытой.

— И я тоже рад.

Когда он поворачивается, чтобы уйти, меня пронзает такая тоска, что колени едва не подкашиваются. Я собираю все свое мужество и окликаю:

— Джонатан?

Его брови слегка приподнимаются, когда он оборачивается.

— Да?

— Не хочешь как-нибудь встретиться?

В голове проносятся воспоминания, и я говорю себе, что несправедливо так с ним поступать и что я уже достаточно натворила.

Он колеблется, но потом говорит:

— Конечно, Анника.

Джонатан достает из внутреннего кармана пиджака ручку, забирает из моей руки список покупок и корябает на обороте свой номер телефона.

— Я тебе позвоню, — обещаю я. — Скоро.

Он кивает, его лицо снова ничего не выражает. Джонатан, наверное, думает, что я не решусь. И он вправе так думать.

Но я позвоню. Я извинюсь. Спрошу его, можем ли мы начать все сначала. «С чистого листа», — скажу я.

Вот как сильно я хочу, чтобы воспоминания о девушке из его прошлого заменила женщина, которой я стала.

Анника

ЧИКАГО
АВГУСТ 2001 ГОДА

На первом сеансе терапии у Тины моим глазам потребовалось почти пять минут, чтобы привыкнуть к слабо освещенной комнате. Когда я наконец смогла ясно разглядеть пространство вокруг, то поняла, что это было сделано намеренно и что все находящееся в комнате помещено сюда, чтобы успокаивать. У торшера в углу (единственного источника света) был кремовый абажур, и на стену ложились мягкие тени. Коричневая кожа диванов и кресла казалась маслянисто-мягкой на ощупь, а толстый ковер вызывал желание скинуть туфли и утонуть пальцами ног в пушистом ворсе.

— Я столкнулась с Джонатаном, — говорю я Тине, когда прихожу на свою еженедельную встречу.

Говорю это прежде, чем она закрывает дверь. Тина садится в кресло, а я опускаюсь на мягкую кушетку направо.

тив. Исходящие от нее флюиды окутывают меня, умеряя тревогу, которую я всегда испытываю от того, что пришла к специалисту.

— Когда же?

— В прошлый вторник. По дороге домой я зашла в «Доминик», и он был там.

Мы провели много часов, обсуждая Джонатана, и ей, конечно, должно быть любопытно, но мне ни за что не догадаться, о чем думает Тина, только по выражению ее лица.

— Как все прошло?

— Я вспомнила, что ты сказала мне сделать, если когда-нибудь увижу его снова. — Я просияла, садясь прямо, пусть диван и искушал растянуться на нем в полный рост. — У нас был разговор. Короткий, но приятный.

— Было время, когда ты бы этого не сделала, — хвалит меня Тина.

— Было время, когда я бы убежала через заднюю дверь, а после на два дня слегла в постель.

Да, я действительно чувствовала себя измотанной, когда наконец добралась домой с продуктами. А потом, раскладывая их по полкам, меня настигло горе, которое я испытывала из-за смерти матери Джонатана. Я долго плакала от осознания, что у него теперь вообще нет родителей. А еще я не успела сказать ему, что мне жаль, хотя произнесла эти слова у себя в голове. Несмотря на усталость, мне потребовалось немало времени, чтобы заснуть в ту ночь.

— Я думала, он в Нью-Йорке?

— Так и было. Он перевелся сюда, чтобы заботиться о маме, пока она не умерла. Это все, что я знаю.

Появление Джонатана было настолько неожиданным, настолько случайным, что я не смогла сформулировать даже несколько вопросов. Мне с опозданием пришло в голову, что я понятия не имею, женат ли он. Посмотреть на безымянный палец мужчины — ловкий ход, и он всегда приходит мне в голову слишком поздно, а в случае с Джонатаном — через целых два дня после встречи.

— Как ты думаешь, о чем подумал Джонатан, когда увидел тебя в магазине?

Тина знает, как трудно мне понять, о чем думают другие люди, поэтому ее вопрос меня не удивляет. За десять лет, что мы с Джонатаном не виделись, я снова и снова прокручивала в голове последние недели наших отношений и его прощальное сообщение, которое он оставил на моем автоответчике.

Тина помогла мне взглянуть на эти события глазами Джонатана, и от того, что я осознала, мне стало стыдно.

— Он не выглядел обиженным или рассерженным, — говорю я, хотя на самом деле это не было ответом на вопрос.

Тина знает все, что нужно знать об этой ситуации, и она, вероятно, могла бы сама рассказать мне, о чем думал Джонатан. Она просто хочет услышать мое мнение. На наших сеансах мне больше всего нравится, что я сама определяю, хочу я продолжить обсуждение или нет, поэтому Тина не будет настаивать. Во всяком случае, слишком сильно.

— А как он выглядел?

— Нормально, мне кажется. Джонатан улыбнулся, когда я рассказала ему о библиотеке. Он собрался ухо-

дять, но я спросила, можем ли мы сходить куда-нибудь, и он дал мне свой номер.

— У тебя немалый прогресс, Анника. Ты должна гордиться собой.

— Он, наверное, думает, что я не позвоню.

— А ты позвонишь?

Хотя я с тревогой представляю себе путь, который мне предстоит пройти, твердо отвечаю:

— Да.

Я всматриваюсь в лицо Тины, и, хотя я не могу быть уверена наверняка, думаю, она мной довольна.

Анна

ИЛЛИНОЙССКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
В УРБАНЕ-ШАМПЕЙНЕ
1991

В колледже, если кто-то хотел найти меня, искать стоило только в трех местах: в ветеринарной клинике для диких животных, в библиотеке или в помещении студенческого союза, где проходили встречи шахматного клуба.

Учитывая, сколько времени я проводила, работая волонтером в клинике, можно подумать, что я стремилась к карьере ветеринара. Животные входили в маленький список того, что приносит мне чрезвычайное счастье. Особенно те, что нуждались в моем внимании и заботе. Другие волонтеры могли бы предположить, что животные спасают меня от одиночества и изоляции, которые окружали меня в годы учебы в колледже, но мало кто поймет, что я просто предпочитаю общество животных обществу людей. Их трогательные взгляды, когда они